

П И О Н Е Р Ы - Г Е Р О И

МУСЯ ПИНКЕНЗОН

С. И Ц К О В И Ч

МУСЯ ПИНКЕНЗОН

Издательство „МАЛЫШ“ • Москва • 1980

Мусик помогал матери укладывать вещи в чемодан.

— Мама! А мы вернёмся обратно?..

— Конечно, вернёмся! — Феня Моисеевна посмотрела на сына. Как он вырос... Ещё вроде совсем недавно ему было четыре года, когда она впервые повела его к учителю музыки...

Как-то на прогулке с отцом Мусик в одном из окон дома услышал скрипку. Невидимый скрипач играл пьесу Паганини.

Мусик остановился и застыл. Музыка словно зачаровала его.

Владимир Борисович посмотрел на сына и увидел, как губы его повторяли услышанную мелодию.

Потом, дома, Мусик разыскал во дворе две палочки и стал «наигрывать» на палочках запомнившуюся мелодию, напевая её. За этим занятием и застала его мать.

Вечером, когда Владимир Борисович пришёл из больницы, она всё ему рассказала.

Он подозвал к себе Мусика.

— Купить тебе скрипку, сынок? Будешь играть?

— Буду, буду! — радостно запрыгал Мусик.

И вот первый урок...

Учитель музыки, маэстро Эккельринг, увидел в своём маленьком ученике очень одарённого ребёнка и уделял ему много внимания...

Пяти лет Мусик впервые выступил в концерте, и в газете города Бельцы отметили игру пятилетнего вундеркинда...

Это было тогда...

Феня Моисеевна смотрела на сына, и в глазах её были слёзы. Теперь надо уезжать из города.

Всё чаще и чаще гудели фашистские самолёты над Бельцами. Где-то на границе, на берегах Прута, шли ожесточённые бои...

«Срочно эвакуировать из города женщин и детей!» — такое решение приняли в городском комитете партии.

— Мама, ты зачем плачешь?

— Я не плачу, — Феня Моисеевна нагнулась к раскрытому чемодану и стала продолжать укладывать вещи.

В комнату вбежал Владимир Борисович.

— Через час уходит последний поезд. Собирайтесь. Я получил направление в военный госпиталь в Усть-Лабинскую. Бабушку и дедушку я уже отправил на вокзал.

— Папа, а скрипку брать?

Отец не успел ответить, его опередила Феня Моисеевна.

— И скрипку, и пижамку тоже...

Мусик утомлённо опустил на стул. Скрипичные концерты Баха, Паганини, Чайковского никак не могли уместиться в его нотной папке. Неужели придётся их оставить? И вдруг его осенило. Дождавшись, пока мать вышла в другую комнату, он незаметно для отца вытащил из чемодана свою пижамку, свитер и уложил на самое дно, под отцовские брюки, пачку нотных тетрадей. А на полках ещё оставались пьесы Сен-Санса, Дворжака, Моцарта...

Моцарт... Сколько сил было затрачено, пока он вместе с маэстро разучил его Второй концерт. Как он мечтал сыграть эту интереснейшую вещь на олимпиаде в Кишинёве. Всю ночь перед выступлением Мусик провёл без сна, у открытого окна гостиницы, где остановилась делегация бельцких школьников. Рядом на столике отдыхала скрипка, уставшая, как и её хозяин, после трудных, но радостных репетиций.

— Моцарта, как и Баха, нельзя играть небрежно, — говорил ему маэстро.

Но сыграть моцартовский концерт Мусику не удалось. 22 июня 1941 года не состоялось торжественное открытие первой республиканской олимпиады художественной самодеятельности школьников Молдавии. В то утро пришла война.

Они торопливо шагали по улицам города. Мусик еле-еле попевал за отцом.

На улицах не горел ни один фонарь. Город словно притаился, замер. В темноте трудно было различить дома. Всё слилось в ночь. Только изредка вспыхивали фары машин и освещали мостовые и тротуары, по которым торопились люди на вокзал. Поскрипывали тачки и детские коляски; нагруженные домашним скарбом. Повсюду слыша-

лись крики — кто-то кого-то терял и вновь находил в этой суматохе и темноте...

— Мусик! Му-сик! — вскрикивала Феня Моисеевна, боясь потерять сына...

— Здесь я, ма-ма! И папа тоже здесь, рядом...

На вокзале они с трудом втиснулись в переполненную теплушку, на которой мелом было выведено: «До Усть-Лабинской».

Поезд ушёл поздно ночью.

Мусик проснулся и услышал, как стучат о рельсы колёса: «Прощай! Прощай!..»

Всё дальше увозил поезд его, маму, папу, бабушку, дедушку от родного города, где осталось столько хорошего, радостного, незабываемого...

Мелькали станции, полустанки с незнакомыми названиями, и всё тяжелее и тяжелее было на сердце.

Вторую неделю они в пути. Сколько ещё ехать — неизвестно, а поезд всё идёт и идёт... идёт медленно, с перебоями, останавливаясь по несколько раз в день. А навстречу им проносятся военные эшелоны, из теплушек глядят красноармейцы, на платформах замаскированные танки, орудия...

На одной из станций во время длительной стоянки Владимир Борисович побежал за кипятком.

Мусик подошёл к двери теплушки, чтобы подышать свежим воздухом — в теплушке было душно.

Мальчик сделал несколько шагов, и ноги его подкосились.

Феня Моисеевна подскочила к сыну, удержала его.

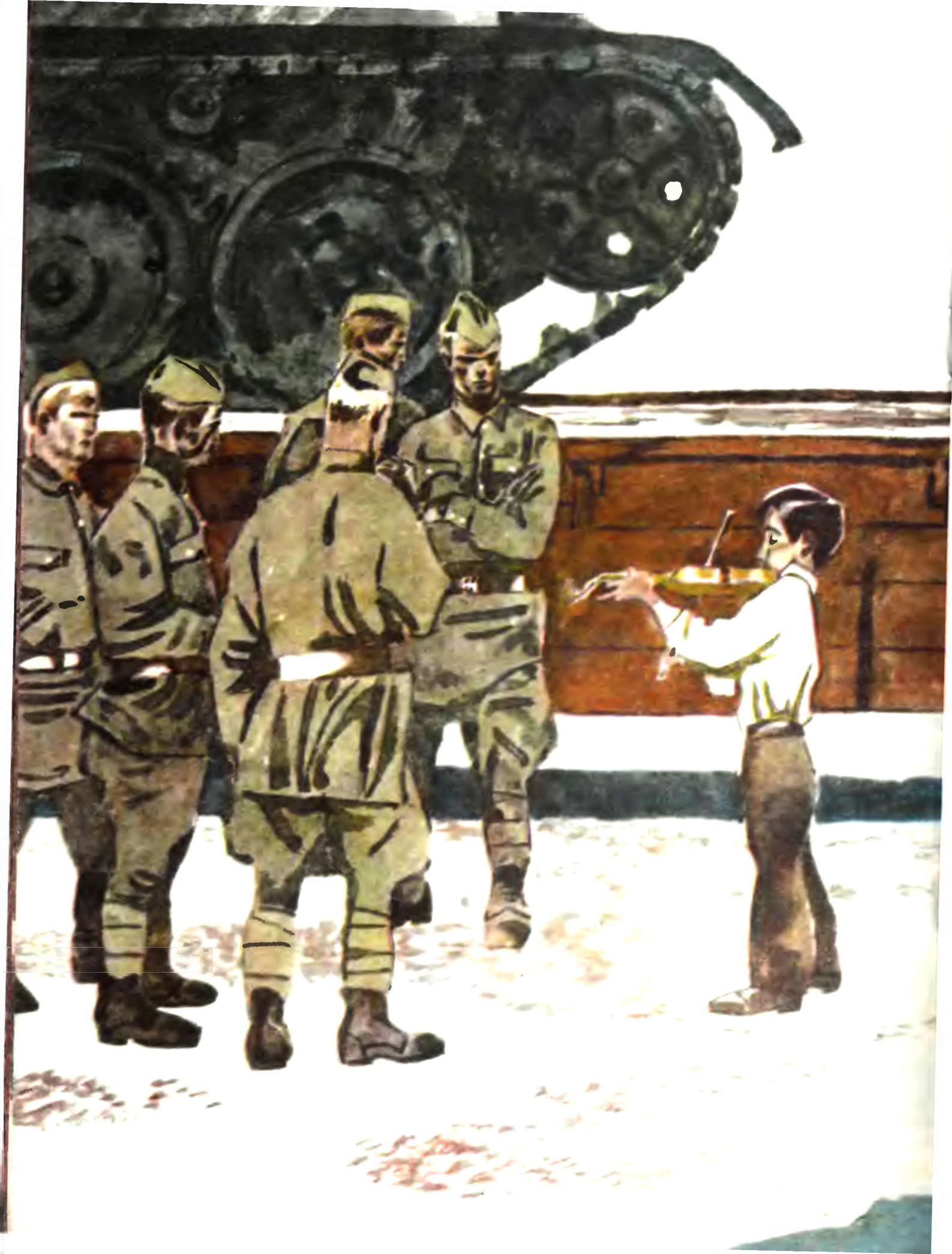
— Мама, дай скрипку... Я поиграю...

Феня Моисеевна отошла и тут же вернулась.

Мусик взял скрипку, дотронулся смычком до струн. Смычок прошёлся по струнам, и скрипка ответила лёгким неуверенным звуком. Пересилив слабость, Мусик снова поднял руку со смычком и коснулся струн. Скрипка запела.

Её звуки привлекли внимание пассажиров в теплушке и на перроне станции.

Люди останавливались, смотрели на маленького музыканта и слушали. Они словно забыли, что позади была трудная дорога и что впереди ещё неизвестно, сколько ехать, и неизвестно, что ожидает на новом месте.

Люди слушали музыку, и она уводила их из теплушки, с перрона станции куда-то в иной мир, в их светлую и радостную жизнь, о которой они теперь только могли вспоминать.

Всё кругом говорило о войне, о большом несчастье, которое обрушилось на их Родину, а музыка пела о том, что счастье будет, будет...

Мусик играл, и звуки лились легко и свободно. Вот последний взмах смычка, и звуки повисли в воздухе, словно застыли. Застыли и слушатели.

Мусик закончил играть. Никто не расходился. Все молчали. Каждый думал о своём: о том, что где-то далеко идут бои и чей-то отец или сын борется с гитлеровскими захватчиками, отдаёт свою жизнь, чтоб вновь вернуть свободу своей Родине.

— Мальчик, мальчик! — послышался голос.

Мусик обернулся — солдат из соседнего воинского эшелона махал ему рукой и звал к себе.

Феня Моисеевна ухватила сына за рукав курточки.

— Что вы испугались, мамаша, — сказал солдат, подходя к их вагону. — Пусть малец сыграет нам...

Мусик прыгнул на перрон и подошёл вместе с солдатом к воинскому эшелону.

Около одного из вагонов стояли полукругом красноармейцы и ждали.

— Сыграй, мальчик! На фронт едем!..

И Мусик заиграл. Скрипка то пела о девушке Сулико, то о широком полюшке-поле, то о весёлом ветре.

Владимир Борисович с чайником в руках остановился у вагона и смотрел на сына.

Внезапно отрывистый гудок паровоза заглушил мелодию скрипки.

— По вагонам! — раздалась команда.

— Живи, малец! Играй! — бросил на ходу солдат и сунул мальчику буханку хлеба и кусок сахара.

Мусик глядел вслед уходящему эшелону. Вот последний вагон скрылся за кирпичным зданием станции, увозя солдат на войну.

«Возвращайтесь скорее, — подумал Мусик, — и обязательно с победой!»

На двадцатый день поезд с эвакуированными остановился на станции Усть-Лабинская. Эвакуированных разместили на телегах и повезли степью. В станице всех распределили по домам станичников.

Владимир Борисович сразу же вечером пошёл в госпиталь. Феня Моисеевна разбирала хозяйство и устраивалась на новом месте.

Был уже сентябрь месяц, и Мусик начал учиться в пятом классе местной школы.

Когда Мусик вошёл в свой класс, ребята весело закричали:

— Галина Васильевна, это Мусик Пинкензон! Он из Молдавии приехал. У него папа работает в госпитале, где мы выступали. Они живут у Полины Ивановны Калёновой.

— Тише, ребята! Мы сейчас познакомимся, — она ласково посмотрела на нового ученика. — Проходи, Мусик, садись. Не стесняйся. Проходи. Ребята у нас дружные, не обидят.

На перемене ребята окружили Мусика:

— Ты в каком городе жил?

— А ты с нами пойдёшь в госпиталь к раненым?

— Мы там выступаем!

— Пойдёшь? А что ты умеешь играть?..

Вечером ребята принарядились и, собравшись в школе все вместе, отправились в госпиталь к раненым.

В сопровождении медсестры они вошли в палату.

Раненые собирались на концерт охотно. Они размещались на койках друг у друга, приносили, кто мог, табуретки.

Когда все расселись, вышла ведущая концерта Ира Семеникина и объявила первый номер:

— Дорогие товарищи раненые, защитники нашей Родины! Начинаем концерт пионеров нашей школы. Выступает Муся Пинкензон. Он приехал со своими родителями из Молдавии. Его папа работает врачом-хирургом в этом госпитале.

Вышел Муся и стал играть и петь. Песня сменялась песней, а раненые просили ещё и ещё.

Вместе с ребятами Муся переходил из одной палаты в другую, и концерт продолжался до позднего вечера. Усталые и довольные, ребята расходились по домам.

Так началась новая жизнь.

В школе Мусик проводил целые дни, а под вечер он шёл в госпиталь, где допоздна играл раненым Чайковского, Паганини, «Катюшу» и «Сулико»...

Владимир Борисович все дни пропадал в госпитале. Он никак не мог выбраться домой, чтобы повидаться с семьёй.

Однажды он пришёл поздно и попросил Мусика срочно пойти с ним в госпиталь.

— Понимаешь, сынок, ты мне должен помочь! Сегодня привезли к нам тяжелораненого лётчика. Он всё время кричит от диких болей. Поиграй ему.

Когда Мусик вошёл с отцом в палату, лётчик стонал. Стоявшая рядом с ним медсестра старалась его успокоить, но лётчик не слышал её уговоров.

Мусик тронул смычком струны, и раненый лётчик обернулся в сторону звуков, удивлённо посмотрел на появившегося в палате скрипача и затих.

Мелодия сменялась мелодией. Мусик играл, а раненый лежал и слушал.

Когда мальчик кончил играть, лётчик подозвал его к себе и сказал:

— Спасибо, сынок. Я потерплю. Я буду жить! Я обязательно буду жить и буду бить фашистов...

Фронт приблизился к станице Усть-Лабинской.

Всё чаще стали слышаться разрывы снарядов где-то со стороны Кубани.

Госпиталь готовили к эвакуации.

Владимир Борисович занимался отправкой раненых и продолжал делать операции тем, кого ещё не успели вывезти...

Немецкие войска вошли в станицу настолько неожиданно, что многие жители не успели никуда выехать.

Среди оставшихся в станице семей была и семья Пинкензонов.

Когда солдаты вошли в палату, Владимир Борисович делал операцию.

Офицер, говоря по-русски, бросил:

— Прекратите операцию, доктор. Всё равно мы расстреляем вашего пациента. У нас много своих раненых, и они нуждаются в вашей помощи.

— Я не могу приостановить операцию, — ответил хирург, — и прошу вас выйти из палаты...

— Вы большевик?

— Нет...

— Тогда почему?..

— Я врач, — перебил его Пинкензон.

— И всё-таки я советую вам хорошенько подумать. Это может сохранить вам жизнь.

— Нет!..

Офицер дал знак солдатам, они подскочили к Владимиру Борисовичу и оторвали его от операционного стола.

— Даю вам на обдумку сутки. — Офицер достал пистолет и выстрелил в раненого, лежащего на операционном столе.

Владимир Борисович вздрогнул и двинулся к офицеру.

Фашист навёл пистолет на хирурга, но остановился...

— Вас я ещё успею пристрелить, — бросил он Пинкензону и, кивнув солдатам следовать за ним, вышел из палаты.

Владимир Борисович постоял немного и пошёл, не снимая халата, домой.

Увидев его, идущего по улице в халате и операционных перчатках, Феня Моисеевна догадалась, что произошло что-то страшное. Она разрыдалась. Муся подскочил к ней со стаканом воды.

— Мама! Мамусенька! Не надо так. Успокойся...

Владимир Борисович вошёл в комнату и, снимая перчатки, сказал, что теперь можно ждать всего.

За отцом пришли на другой день.

Офицер повторил свой вопрос.

— Мне нечего обдумывать, — ответил Владимир Борисович и пошёл к выходу.

Муся кинулся было к отцу, но Феня Моисеевна удержала его.

— Феня, береги сына!..

Солдат толкнул Пинкензона в спину к двери. Его отвели к зданию бани, где немцы держали всех арестованных.

Доктора уговаривали согласиться на работу в госпитале, лечить немецких солдат. Грозили расстрелом, но Владимир Борисович был непоколебим.

Тогда его стали выгонять вместе со всеми арестованными на работы — рыть окопы. Когда он возвращался с работ, офицер снова вызы-

вал Пинкензона и снова предлагал работать в госпитале, но Пинкензон уже ничего не отвечал, лишь отрицательно кивал головой на предложение гитлеровца.

Вскоре арестовали Феню Моисеевну, Мусика.

Когда их ввели в комнату, где помещались арестованные, Владимир Борисович мог только сказать: «Я не мог, Феня, согласиться работать на них как врач!»

Для того чтобы запугать население станицы, фашисты решили учинить расправу над арестованными. В числе приговорённых к смерти была и семья Пинкензонов.

Арестованных выводили на берег Кубани, туда же фашистские солдаты согнали жителей со всей станицы.

Муся шёл среди арестованных, одной рукой придерживая мать, в другой он нёс скрипку.

Солдаты с криками и бранью расставляли приговорённых к расстрелу вдоль железной ограды перед глубоким рвом.

Офицер поднял руку для сигнала солдатам, но опускать её не торопился.

— Господин офицер... — Владимир Борисович шагнул вперёд к офицеру. — Пощадите сына, он... — пуля оборвала его просьбу.

Мать бросилась к отцу, но автоматная очередь настигла и её.

В этот момент на офицера двинулась маленькая фигурка Муси. В руках он держал скрипку.

Срывающимся от волнения голосом, мальчик проговорил:

— Разрешите... мне... перед смертью... сыграть мою любимую... песню...

Офицер навёл на мальчика дуло пистолета.

Муся повторил просьбу.

Офицер с любопытством поглядел на мальчика и махнул солдатам, чтобы они опустили автоматы.

— Играй!.. Играй! Понравится — будешь жить!

Муся положил футляр на землю, не торопясь открыл его и достал свою маленькую скрипку. Он бережно прижал её к подбородку, смычок взвился и заскользил по струнам. Сначала неуверенно, но вот мелодия вырвалась и поплыла над Кубанью.

Муся прижал голову к скрипке. И вот с каждым новым взмахом смычка яснее возникала понятная всем с детства мелодия гимна коммунаров. Всё увереннее и громче звучало: «Вставай, проклятьем заклеимённый, весь мир голодных и рабов»...

Фашистский офицер оцепенел от ярости.

— Перестань! — орал он, потрясая перед скрипачом пистолетом. Но Муся не обращал на него внимания, он торопился. Надо ещё успеть, ещё немного... Раздался выстрел, за ним второй...

Муся опустился на колени, всё ещё держа в руках скрипку и пытаясь доиграть оборванную мелодию песни.

Автоматная очередь подкосила ноги скрипача, и он упал. Смычок выскользнул из рук, и скрипка замолчала навсегда вместе с прерванной жизнью маленького героя. Но стоявшие перед фашистскими палачами люди подхватили песню, и она продолжала звучать над рекой, пока последний из певших не упал, пробитый пулей.

...В седьмом «Б» 21-й железнодорожной школы города Чарджоу шёл урок русского языка. Ребята готовились к диктанту. Достав из портфеля газету, учительница подошла к той парте, за которой сидела Рузя Гендлер.

— Сегодня мы напишем с вами необычный диктант. Это рассказ о героическом поступке усть-лабинского пионера Мусика Пинкензона. Текст диктанта из статьи Елены Кононенко в газете «Правда».

Рузе показалось, что она ослышалась.

Мусик?

Пинкензон?

Неужели?

Вот уже два года, как её родители силились хоть что-то узнать о судьбе семьи Пинкензонов, эвакуированных из Бельцов в Усть-Лабинскую.

Переспрашивать учительницу она не решилась.

Внимательно прислушиваясь к тексту, Рузя записывала слово в слово. Но когда она услышала: «В последний раз Мусик взмахнул смычком. Раздался выстрел. Маленький окровавленный скрипач упал», — ручка выскользнула из её рук, и она громко заплакала.

— Что с тобой, Рузя? — спросила учительница. — Успокойся, нельзя же так...

Сдерживая рыдания, девочка произнесла:

— Муся Пинкензон — мой брат, двоюродный...

Поражённые семиклассники в едином порыве поднялись со своих мест, учительница растерянно оглянулась:

— Садитесь, ребята, садитесь. Рузя сейчас успокоится...

Но семиклассники продолжали стоять. Мальчишки и девчонки молчаливо чтили память своего отважного сверстника.

С тех пор прошло много лет.

Никто не может точно указать, где был похоронен скрипач и его скрипка, хотя на месте расстрела и стоит многометровый обелиск.

Но прислушайтесь к посвисту ветра в степи у станицы Усть-Лабинской, к неумолкаемому шуму волн реки Кубани, к шелесту полновесных колосьев, и вы услышите мелодию «Интернационала».

Это звучит в наших сердцах мелодия бесстрашной скрипки двенадцатилетнего музыканта из молдавского города Бельцы — Мусика Пинкензона.

Он не закрыл грудью амбразуру дзота.

Не бросился со связкой гранат под гусеницы вражеского танка. У него в руках была скрипка, и она поразила врага в самое сердце мелодией «Интернационала».

Смертью смерть поправ, маленький герой проявил великую силу духа.

Именно поэтому его имя стало символом бесстрашия для маленьких граждан нашей страны.

О нём помнят в Сороках и Бельцах, в Челябинской музыкальной школе-интернате, откуда идут письма к врачу Гендлеру, в станицу Усть-Лабинскую, где пионерская дружина школы № 1 носит имя Мусика Пинкензона.

Подвиг маленького скрипача вдохновил скульптора А. Лебедева. В пятидесятых годах в Краснодарском историко-краеведческом музее экспонировалась его скульптура. Мусик, умирающий Мусик, прижимает к сердцу расстрелянную скрипку.

30 к.

Для младшего школьного возраста

Саул Наумович Ицкович

МУСЯ ПИНКЕНЗОН

Художник В. Юдин

Редактор О. Лебедев. Художественный редактор О. Ведерников
Технический редактор Е. Соколова. Корректор Н. Пьянкова
Сдано в набор 30.03.78. Подписано в печать 18.07.80. 60×90 1/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура джил-санс.
Печать офсет. Усл. печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 3,61. Тираж 150 000 экз. Изд. № 872. Заказ № 264. Цена 30 к.
По оригиналам издательства «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68.
Московский комбинат игрушек Российского промышленного объединения по производству
игрушек «Роспромгрушка» Министерства легкой промышленности РСФСР
Москва, А-130, ул. Клары Цеткин, дом 28

© илл. Издательство «Малыш» 1980

И 70802—295
М 102 (03)—80 без объявл.

